

и часто плевать"); в) помощью -ся выражают возвратность действия (ср. *мыть* — *мыться*, *брить* — *бриться*); г) не обладают семантическими различиями (ср. *нянчить*-ся — *нянчить*, *хвастаться* — *хвастать*).

Вторую группу глаголов Р. тоже подразделяет на две подгруппы: первая (II С) содержит производные глаголы, основа которых с постфиксом -ся может получить без этого элемента на вид идентичную форму, однако с другим значением (ср. *шататься* „качаться, колебаться“ — *дошататься*; *шатать* „раскачивать, качать, нагибать в разные стороны“). В этой подгруппе Р. различает возвратные формы исходных глаголов, которые: а) семантически отличаются от форм невозвратных (ср. *шатать*-ся — *шатать*); б) выражают взаимность (ср. *целоваться* — *целовать*); в) выражают деятельность, переходящую прямо на производителя действия (ср. *бриться* — *брить*). Во вторую подгруппу (II Д) Р. включила глаголы, образованные от глаголов, содержащих постфикс -ся. Без него исходный глагол не встречается (ср. *смеяться* — *досмеяться*; **смеять* — не существует).

Из общего числа 246 глагольных дериватов 40 (т. е. 15 %) содержит в своей исходной форме постфикс -ся.

Настоящая работа написана на польском языке. Русские выражения в ней переписываются по принципу западноевропейской научной транслитерации. Результаты исследований подытоживаются в заключении („*Wnioski*“, с. 158—160). В самом конце помещен список научной литературы („*Bibliografia prac wykorzystanych*“, с. 161—162). Работа в своем направлении решает отдельную проблематику из области словообразования глаголов. Она, несомненно, представляет собой вклад в дальнейшее развитие данной дисциплины.

Алеш Бранднер

Eeva Ilola, Arto Mustajoki: Report on Russian Morphology as it Appears in Zaliznyak's Grammatical Dictionary. SLAVICA HELSINGIENSIA 7, Helsinki 1989, 235 стр.

В рецензируемой, написанной на английском языке монографии финских русистов предлагается квантитативное описание русской морфологии, сделанное с помощью вычислительной машины, а именно — на основании анализа лексического материала, находящегося в известном грамматическом словаре А. А. Зализняка. Некоторые квантитативные параметры из области русской морфологии были уже зафиксированы в специальной литературе, например, в статистических таблицах в приложении советского ретроградного словаря (Обратный словарь русского языка, Москва, 1974) или в тетради *Materiály k ruské substantivní paradigmatice. Zakončený kmene*, изданной лексикографическим отделом Института языков и литератур Чехословацкой академии наук в Праге (1968), содержащей ценные статистические данные о существительных, зафиксированных в Большом русско-чешском словаре (Прага, 1952 по 1964).

После краткой вступительной части, в которой авторы знакомят читателя с источником анализируемого материала, техническим методом описания и возможностью использования его на практике, следует анализ отдельных частей речи. Большая часть монографии посвящена именам существительным, составляющим почти половину, а точнее 47,6 %, исследуемого материала, далее следуют имена прилагательные (32 стр., 21 %), остальные склоняемые части речи (2 стр.), глаголы (86 стр., 28,8 %) и неизменяемые части речи (7 стр.). Приложение представляет собой список сокращений, имеющихся в словаре Зализняка, а также перечень символов, использованных в книге. На последней странице находится список специальной литературы — всего

9 названий, 5 из которых посвящены акцентуации. Некоторое недоумение вызывает работа авторов с уже устаревшим в настоящее время первым изданием монографии Федяниной.¹

В самом тексте работы, снабженном 233 (!) таблицами с разными количественными данными, читатель узнает о количественном взаимоотношении между одушевленными и неодушевленными существительными, о том, сколько существительных отдельных родов заканчивается в множестве приблизительно ста тысяч исследованных слов в именительном падеже ед. ч. в современном русском языке на отдельные графемы, сколько *pluralla tantum* (603), *singularia tantum* (465), каково количество слов, имеющих в своей парадигме беглый гласный (1969), как представлены в исследованном материале чередования *-ёнок* → *-ят-* (107), *-анин* → *-ан-* (114), *е* → *ё* (106), сколько существительных может иметь в родительном падеже ед. ч. мужского рода окончание *-у* (396!) и сколько в предложном падеже *-у/ю* (128) и т. д. Авторы приводят слова, имеющие *-у* как в родительном, так и в предложном падеж., регистрируя их, однако, только 12, среди которых нет существительного *лес* и некоторых других. Аналогичные подсчеты в таблицах касаются и других морфологических явлений (существительные на *-á/я́*, *-ья́* в именительном падеже мн. ч., с нулевым окончанием в родительном падеже мн. ч. и др.). Подобным образом исследуются далее и остальные части речи.

Полезными на наш взгляд являются таблицы, отражающие количественную презентацию отдельных акцентных типов с точки зрения грамматического рода, исхода основы, количества слогов и т. д. Весьма значительная часть монографии, почти ее четверть (58 стр.), посвящена описанию расположения ударения у существительных. Если же учесть обширные описания акцентуации имен прилагательных (22 стр.) и глаголов (53 стр.), то следует, что авторы посвятили акцентуации 133 страницы, а остальным вопросам только 100 страниц. В принципе, это объяснимо: А. Mustajoki, к примеру, посвятил ударению русских существительных целую обширную монографию.² К сожалению, символика при обозначении разных акцентных типов в репрезентативных работах советских авторов расхожась. Так, например, ударение типа *волк*, *во́лка*, *во́лку*; *во́лки*, *во́лкóв*, *во́лкам*, т. е. постоянное ударение на основе в ед. ч. и в именительном падеже мн. ч., а в остальных падежах на окончании, Зализняком обозначается символом *e* (в рецензируемой монографии Е), Федяниной³ символом АС (постоянное ударение на основе в ед. ч. и подвижное во мн. ч.) и академической Гр80⁴ С₁. В этой связи работа становится менее читабельной, что в данном случае не является упреком авторам обсуждаемой книги. Говоря о мелких неточностях, хотелось бы обратить внимание на ошибочное отнесение сложного существительного *сорвиголовá* к типу F' (стр. 56), т. е. В₂ по Гр80, тогда как должно быть F (также по словарю Зализняка), так как винительный падеж ед. ч. звучит *сорвиголову́*, т. е. В₁ по Гр80.

Составление такого большого количества разнородных и очень подробных статистических таблиц, несомненно, заслуживает похвалы. Количественные данные имеют прежде всего теоретическое значение для более или менее исчерпывающего описания морфологической языковой системы, в меньшей степени для практики, ибо исследуемый материал содержит сравнительно значительное количество слов из языковой периферии, причем ни в тексте рецензируемой монографии, ни в таблицах эта их характеристика не обозначена. Так случилось, что иногда приводится

¹ ФЕДЯНИНА, Н. А.: Ударение в современном русском языке, Москва, 1976.

² Типы ударения имен существительных в современном русском литературном языке и их минимизация в учебных целях, Helsinki 1980, 380 стр.

³ ФЕДЯНИНА, Н. А.: Ударение в современном русском языке, 2-е издание, переработанное и дополненное, Москва, 1982.

⁴ Русская грамматика АН СССР, I, Москва, 1980.

даже в качестве представителя определенного множества слов наименование нелитературное, по большей части просторечное, например, *жеребей* (стр. 85), *мазло* (стр. 94), или областное, к примеру, *сило* (стр. 95), *тугосийсий* (стр. 134).

Полагаем также, что не в достаточной степени была учтена содержательная сторона анализируемого материала. Иногда приводятся словоформы в качестве грамматических вариантов без какого бы то ни было отличия, например, формы сравнительной степени *горче* и *горше* от *горький* (стр. 133) — ср. правильное различие в словаре Зализняка (*горче* — по вкусу, *горше* — горестнее). Некоторые приводимые формы, обозначаемые в словаре Зализняка примечанием „(затрудн.)“, практически почти не употребляются: формы сравнительной степени *вальче/валче* от *валкий*, *кольче/колче* от *колкий*, *дичее/диче* от *дикий* (все на стр. 115 и 133) и др. Авторами монографии, однако, данные формы регистрируются без какого-либо ограничительного примечания в множестве вполне общеупотребительных форм.

Не совсем точны и некоторые формулировки. Так, к примеру, на стр. 35 читаем, что все существительные среднего рода („All the neuters...“) 6-го морфологического типа имеют в родительном падеже мн. ч. вместо мягкого знака *е* или *и*, т. е. *питьё, питей; ущелье, ущелий*, чему, однако, противоречит родительный падеж мн. ч. существительных *платье* и *жнивье*, ср. *платьев, жнивьев*, а также существительных типа *верховье*, где наряду с менее употребительной формой *верхвий* функционирует в родительном падеже мн. ч. общеупотребительное *верховьев*.

Авторам, по-видимому, не удалось вовремя исправить все опечатки. Как иначе можно объяснить орфографические, акцентуационные и грамматические ошибки типа *гасета* (стр. 10), *городишко* (стр. 10 и 17), *церкóвь* (стр. 29), *голúбец* (стр. 28), *доброволéц* (стр. 28), *директóр* (стр. 44); именительный падеж мн. ч. *гриби, дождя*, дательный падеж ед. ч. *существо* (все на стр. 48). Существительное *хозяйин* имеет в именительном падеже мн. ч. окончание *-а*, а не *-á* (стр. 40).

Несмотря на приведенные критические замечания и оговорки мы полагаем, что в рецензируемой работе представлен целый ряд новых интересных и ценных количественных данных о морфологической системе современного русского языка. Кроме того, монография финских русистов является наглядным примером как преимуществ, так и недостатков и ограничений машинного анализа языкового материала. Вычислительная машина делает возможным проведение почти неограниченного количества самых различных по степени значимости, прежде всего, однако, формальных операций, но, к сожалению, игнорирует семантическую, стилистическую и функциональную дифференциацию.

Йиржи Йирачек

M. V. D'jačkov: **Kreol'skije jazyki**. Moskva, Nauka 1987, 106 стр.

V uvedené publikaci autor, za spolupráce s řadou sovětských a zahraničních odborníků, shrnuje dosavadní znalosti o kreolských jazycích, uvádí a zpřesňuje základní termíny a pojmy, posuzuje teoretické i praktické otázky dané problematiky a hlavně přináší velmi bohatý jazykový materiál. Ten plně dostačuje k tomu, aby si čtenář učinil vlastní představu a názor o těchto jazycích.

Jejich nositelé, kreolové, jsou potomci bývalých kolonizátorů, kteří se sice již v koloniích narodili, ale jazykově u nich přetrvává vztah k jazykům jejich předků.

Tzv. pidžinizace jazyka je složité sociolingvistický proces, při němž vzniká nový jazyk ovlivněný na jedné straně výchozím jazykem, jazykem pramenem (např. angličtinou) a na druhé straně substrátovým jazykem, tj. jazykem původních obyvatel určité jazykové oblasti. Pidžinizace vzniká přirozenou cestou (na